

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ
АНДРЕЕВИЧ
ДОЛГОРУКОВ

Петр Андреевич Вяземский Князь Василий Андреевич Долгоруков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24527980

Аннотация

«Весть о смерти знакомого нам человека всегда имеет для нас что-то разительное и как будто что-то неожиданное и необычайное. Человек более или менее готов ко всякому событию, которое может постигнуть его. Он смолоду свыкается с мыслью, что жизнь подвергнута разным изменениям, превратностям и ударам. Но с мыслью об изменении самом неизбежном, но с мыслью о смерти смертный свыкнуться не может. Особенно весть о скоропостижной смерти поражает нас, как удар грома, разразившийся с неба безоблачного и совершенно ясного...»

Петр Вяземский Князь Василий Андреевич Долгоруков

Весть о смерти знакомого нам человека всегда имеет для нас что-то разительное и как будто что-то неожиданное и необычайное. Человек более или менее готов ко всякому событию, которое может постигнуть его. Он смолоду свыкается с мыслью, что жизнь подвергнута разным изменениям, превратностям и ударам. Но с мыслью об изменении самом неизбежном, но с мыслью о смерти смертный свыкнуться не может. Особенно весть о скоропостижной смерти поражает нас, как удар грома, разразившийся с неба безоблачного и совершенно ясного. А между тем сей гром и в светлый день, и в пасмурный всегда таится над каждым из нас. Вчера видели мы человека в полноте жизни, силы, деятельности. Сегодня думаем с ним встретиться снова: и с первым шагом на том месте, где мы полагали с ним сойтись, узнаем, что его уже нет, что он уже не наш, что мы не его, что все земные сношения с ним навсегда прекратились, что оборвалась та нить, которая казалась нам надежною и крепкою связью. Тут как будто в первый раз догадываемся и постигаем, что на земле жизнь есть случайность, явление скоропроходящее, а что смерть одна есть законная и неизменная принадлежность

всего земного.

Такое глубоко потрясающее впечатление встретило съехавшихся во Дворец к слушанию литургии в день Богоявления Господня. Тут разнеслось известие, что в ночь скоропостижно скончался князь Василий Андреевич Долгоруков. Изумление и скорбь были всеобщие. Князь принадлежал к малому числу набранных, которые умели снискать и заслужить любовь и уважение всех знавших его. А знали его все. Кто по личным и коротким сношениям с ним, кто по служебным и официальным, кто по общей молве, которая может временно ошибаться в частностях и скорых своих оценках людей и событий, но которой окончательный приговор всегда утверждается на суде беспристрастном и правом. Человека более благородного, более честного и благонамеренного найти было невозможно. В этом отношении смерть его есть утрата общественная и государственная. В последние годы, после долголетней деятельности в высших слоях управления, он уже не занимал места, связанного с непрерывными занятиями на высотах государственного поприща. Но самое присутствие его в обществе, в государственном совете, особенно при лице Государя, который отличал его испытанною на деле и высокою доверенностию и, можно сказать, сердечною приязнью, все это придавало личности и жизни его особенное и благотворное значение. Нравственное влияние человека благодушного не всегда может быть исчислено и измерено видимыми последствиями и, так сказать, приведено

в наличный итог. Но не менее того каким-то внутренним и верным сознанием оно чувствуется и зарождает в душе успокоительное и отрадное впечатление. Присутствие подобных людей при Дворе есть благое знамение, по которому и со стороны можно угадывать состояние господствующей атмосферы.

Этому знамению веруешь и радуешься.

О заслугах государственных деятелей современники не всегда верные судьи: именно потому, что они смотрят на них вблизи. Суд над ними для безошибочности своей требует некоторой отдаленности от места действия, требует совершения нескольких законных давностей, которые переходят в область истории и потомства. Этот суд похож на суд присяжных, которые с места прений и битвы удаляются в особое отделение: там, сосредоточившись в тишине совести, они произносят свой окончательный и решительный приговор. Современные приговоры часто сбиваются на неосновательные слухи, на догадки, на пристрастные предубеждения, которые приводили в ошибочным заключениям.

Официальная государственная жизнь князя Долгорукова не подлежит, в этой статье, ни нашей проверке, ни нашему суду. Мы до неё только мимоходом и коснемся. Но в каждом официальном лице есть еще другое лицо – самобытное, так сказать, перворожденное. Это последнее проглядывает сквозь внешнюю официальную обстановку. О нем с полным правом могут судить современники. Их суждением попол-

няется и олицетворяется тот образ, который позднее выставляется пред глаза истории.

В князе Долгоруком доступ к человеку, вооруженному властью, был всегда облегчаем вежливыми и доброжелательными приемами человека частного. В этом отношении отзывы подчиненных и сослуживцев его и всех тех, которые к нему прибегали, сливаются в один голос уважения, признательности и преданности. Самое сочувствие и почести, оказанные отошедшему, служат тому убедительным доказательством. Бывшие его в разные времена адъютанты добровольно и по взаимному сердечному влечению чередовались день и ночь при гробе его в эти последние дни. Он был ко всем внимателен, предупредителен и вежлив. Учтивость его возрастала вместе с постепенным возвышением его положения. Вежливость его была не из тех, которые бьют свысока, обрызгивают холодом, и от которой, или, вернее, под которой бывает неловко и досадно. Его вежливость носила на себе печать обязанности, которую он возлагал на себя – именно потому, что он был выше многих: вместе с тем отзывалась она свежим изливанием доброжелательства, которого источник был в душе его. Какое-то внешнее, ненарушимое спокойствие, какая-то безоблачная, улыбчивая ясность на лице, в движениях, в речи были приметами и неизменными свойствами его. Не знавшие его коротко могли признать их вывесками равнодушия; но находившиеся с ним в ближайших сношениях знали, что он не был холодным эгоистом. При-

родные наклонности, склад ума, может быть обстоятельства жизни, не совсем нам известные, приучили его в некоторой сдержанности, в какому-то стройному, невозмутимому спокойствию, в строгому уравниванию всех внешних выражений его нравственного бытия: все это обратилось в привычку и образовало характер его. Он всегда спокойно выслушивал и спокойно отвечал – даже, когда противоречил. Самая мягкость голоса его, и плавность, и стройность речи его имели в себе что-то примирительное. Можно угадывать и угадывать наверно, что свойство *примирительности* было особенною принадлежностью убеждений его, правил и действий. Эта благозвучная струна отзывалась в нем как в жизни частной, так и общественной. Он не увлекался противоположными крайностями вопросов, подлежащих суждению и совещанию его. Он искал в противоположных мнениях и вопросах точек их сближения и соприкосновения, и от них уже шел он в предназначенной цели. Как другие ищут пререканий и спора, он искал согласия и умиротворения. И тут стройное направление способностей его изыскивало равновесия требований и разрешения их. Он чувствовал, он был убежден в том, что в стройном равновесии нет места враждебным столкновениям и произволу страстей. Есть времена, когда многие щекотливые и жгучие вопросы на очереди. Сии вопросы неминуемо рождают противоречие и раздражительность мнений и страстных увлечений. Б эти времена то, что мы назвали бы «*пассивные силы*», нужно и благодетельно. С

первого взгляда не подглядишь их внутреннего действия; но оно есть, и как всякое благое начало, отзывается в последствиях. Даже и, тогда, когда победа остается не за ними, все же участие их в разработке вопросов приносит свою пользу. Кажется, князь Долгоруков был чистейшее и лучшее выражение подобных сил. Впрочем, пассивная натура его не мешала ему, особенно в отношении к себе и к положению своему, действовать в данную минуту с твердостью и решимостью. Есть тому известные примеры. И в этих случаях побуждением служили ему не суетные расчеты, личности, но глубокая добросовестность, возвышенное смирение и бескорыстие, достигавшее до самоотвержения. Князь был самый строгий исполнитель всех своих обязанностей, хотелось бы сказать – до мелочей, если бы каждая обязанность не имела своей доли важности в глазах честного и добросовестного человека и тем самым не была бы обязательна. В другом такая строгость, можно было бы сказать, доходила до педантизма: в нем, должно сказать, доходила она до рыцарства. Святое слово, святое значение «долг», в каком бы виде оно ни выражалось, было для него руководством, совестью и законом. Долг был для него высокое и честное знамя, которому он во всю жизнь свою служил верой и правдой. С этим безусловным подчинением долгу имел он еще способность и любить его.

Верноподданнические чувства его озарены были и согреты теплою, независимую любовью. Здесь можно сказать, что

сердце сердцу весть подавало. Самая любовь его ничего не имела суетливого. Он и при Дворе, во главе царедворцев, был также стройно спокоен, как в отношениях с равными себе, как у себя дома. Ничего не старался он выказывать; ничего не искал и ни в чем и ни при ком не было у него ни задней мысли, ни себялюбивой цели.

Он был нежным, примерным родственником, верным приятелем, любезным собеседником. При всей его бесстрастной и пластической постановке, казалось, чуждой всякой впечатлительности, в нем не было ни сухости, ни холодности.

По роду службы, которая некогда была на него возложена, он знал темные стороны многого и многих: но это печальное всеведение не озлобило и не заволокло его чистой и мягко-сердечной натуры. Он все еще верил в добро и не отчаивался в средствах осуществить его. При этом должно заметить, что никогда неосторожное, не только не доброжелательное, слово, никогда двусмысленный намек ни на какое лицо не выдавали тайны, которая в груди и памяти его была неприкосновенно застрахована. Ум его был, может быть, и памятлив; но в отношении к злу сердце его было забывчиво. Мог ли он иметь врагов, то есть недоброжелателей? Не думаю. Завистников? И того нет. Тем же спокойствием и тем же благодушием, которые отличали его, он должен был обезоруживать и всякую мнительную зависть. Он никому не перегораживал дороги, ни на какую чужую дорогу не кидался, никого пере-

гонять не хотел.

Человек вполне служебный и светский, он доступен был всем свежим и молодым впечатлениям жизни. Он любил природу и способен был любоваться красотами её. Я бывал с ним летом за городом и на южном берегу Крыма и всегда с сочувствием замечал, что многотрудная служба, недавние заботы и, вероятно, неразлучные с ними, часто тяжкие, испытания, оставили в нем еще много простора и свободы для тихих и созерцательных наслаждений. Он любил заниматься, много читал, постоянно и внимательно следил за движениями Русской литературы. Он вел обширную переписку на Русском и Французском языках, на которых равно правильно изъяснялся. По разнообразию служебных его обязанностей, по отношениям к разным лицам в разные времена, переписка его может со временем служить богатым и верным материалом для истории. В самом разгаре деятельности и дел он никогда не казался ими обремененным. Со стороны нельзя было и догадаться, что за тяжкая ноша лежит на плечах его. Как граф Канкрин, при всей своей обшарной деятельности, находил время читать романы и играть на скрипке, так князь Долгоруков находил время быть в обществе и не отрекался от светских удовольствий. Всею жизнью его правил точный и неизменный порядок. Время его было математически измерено. Все это облегчало ему занятия и давало средства и силу с ними справляться.

До конца жизни ничто не было ему ни чуждо, ни посты-

ло. Ни в чем не знал он ни алчности, ни пресыщения. Он вполне любил жизнь и умел ею пользоваться и наслаждаться. Жизнь – во всем, что есть в ней благоприветливого, ласкового и чистого – так была в нем воплощена, что при нем мысль о смерти, мысль о разрушении этой стройной и ясной полноты к нему и прикоснуться не смела и не могла. Никакие тусклые и зловещие признаки старости не отражались на нем. Казалось, что он должен пережить своих сверстников и многих младших. А смерть уже близко и настойчиво в нему приступала. В день кончины своей он провел день, как обыкновенно, хотя чувствовал себя не совершенно здоровым. Многие видели его, и никто из них не мог помыслить, что видит его в последний раз. Вечером отправился он во Дворец к слушанию всенощной, но должен был возвратиться домой, ощущая некоторое стеснение в груди. Дома читал он газеты. За несколько часов до смерти, написал он своим красивым и стройным почерком, стройным как вся внутренняя и внешняя жизнь его, записку к генерал-адъютанту Тимашеву, в которой просил его о благосклонном внимании к одному чиновнику. Позднее сделалось ему хуже, и конец его был так неожидан и скоропостижен, что ни врачи, ни родные, ни приятели его не могли поспеть вовремя. Время, это слово было для него уже чуждое и неуместное: оно неприметно для него самого и для других слилось со словом: вечность.

В настоящей статье своей не имели мы, разумеется, ни времени, ни повода, ни даже права определить полную ха-

рактеристику князя Долгорукова и собрать биографические материалы для будущего историка нашего времени. А князь вполне ему принадлежит. Служебная деятельность его в течение трех царствований заранее вписала его в число действовавших лиц.

Мы только хотели выразить собственные свои чувства и впечатления, и вместе с тем быть отголоском отзывов и суждений, которые всюду слышатся: они могут быть лучшим прощальным и надгробным словом тому, о ком единодушно все жалеют, кого все сердечно и сознательно оплакивают.

Накануне наступившего года отборное и многолюдное общество провожало у него на бале старый год и встречало новорожденный. Всем было приятно и радостно быть на этих проводах и на этой встрече у радушного и вежливого хозяина. Он намеревался в течение зимы еще не один раз собирать у себя гостей, всегда готовых являться на дружеский призыв его. Вечером 6-го января почти тоже общество собралось в том же доме, в котором за несколько дней оно веселилось и праздновало. Но это общество, смущенное и печальное, собралось в этот день, чтобы отдать последний братский, христианский долг хозяину, уже в последний раз гостеприимному. Гроб его стоял в бальной зале и живо и язвительно напоминал стихи Державина:

«Где стол был яств, там гроб стоит;

.....

.....

И бледна смърт на всех гледит!..»